

HAL
open science

“ Ženevskij poklonnik Karamzina : k voprosu o russkix godax Džejmsa Galiffa ” [“ L’admirateur genevois de Karamzin : à propos des années russes de James Galiffe ”]

Rodolphe Baudin

► **To cite this version:**

Rodolphe Baudin. “ Ženevskij poklonnik Karamzina : k voprosu o russkix godax Džejmsa Galiffa ” [“ L’admirateur genevois de Karamzin : à propos des années russes de James Galiffe ”]. Karamzinskij sbornik, 2019, 7, pp.52-88. hal-03946173

HAL Id: hal-03946173

<https://hal.science/hal-03946173v1>

Submitted on 31 Oct 2024

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L’archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d’enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей-усадьба
«Остафьево» – «Русский Парнас»

*К 250-летию со дня рождения
Николая Михайловича Карамзина*

Карамзинский сборник

Выпуск 7

Остафьево – 2019

Родольф Бодэн

ЖЕНЕВСКИЙ ПОКЛОННИК КАРАМЗИНА: К ВОПРОСУ О РУССКИХ ГОДАХ ДЖЕЙМСА ГАЛИФФА

Джеймс Галиффа
Jaques-Augustin dit James
GALIFFE
1776-1853

В заключении к своей статье 1923 года о Вяземском в Остафьеве, В.С. Нечаева привела длинную цитату из личной переписки Петра Андреевича Вяземского, сохранившейся в Остафьевском архиве¹. Цитата содержала подробное описание усадьбы Вяземских и жизни в ней в первые годы XIX века. Автором письма, адресованного Вяземскому, был, по словам В.А. Нечаевой, некий Джеймс Галиффа². Об этом человеке до сих пор было мало известно, за исключением того, что он был швейцарцем³. Открытие личного архива Галиффа в отделе рукописей Женевского университета позволяет пролить свет на эту малоизвестную страницу истории Остафьева и семьи Вяземских, а также жизни и творчества Николая Михайловича Карамзина.

В данной статье я предлагаю сосредоточиться на отношениях Галиффа с Карамзиным, оставив в стороне историю его знакомства и дружбы с Петром Андреевичем Вяземским. После краткого изложения жизни Галиффа до его знакомства с Карамзиным, я представлю обстоятельства этого знакомства. После этого я попробую охарактеризовать отношения этих двух людей с интеллектуальной и социальной точки

зрения. Наконец, рассмотрев, как Галиффа описал это знакомство, я попробую пролить свет на его функцию в попытках Галиффа определить свое социальное «я» и обрисовать свою личную интеллектуальную и социальную эволюцию.

1. Жизненный путь Джеймса Галиффа до его знакомства с Карамзиным

Жак-Огюстен, по прозвищу «Джеймс» Галиффа родился в Женеве в 1776 году. Он происходил из одной из самых влиятельных семей Женевского патрициата. Его отец, Нобль Бартеlemi Галиффа, был государственным советником и генеральным казначеем Республики. Его дедушка, Жан-Галиффа Рийе, был синдиком. Его мать, Мари Навилля де Теллюсон, была сестрой ученого синдика Исаака Луи Навилля и внучкой Исаака де Теллюсона, посла Женевской республики при французском дворе⁴. Потрясенный «женевской революцией 1782 года», патрициат скоро восстановил свою доминирующую социальную и политическую позицию с помощью французской, сардинской и бернской армий⁵. Его, однако, вновь пошатнула вторая Женевская революция, произошедшая в 1792 году под влиянием французского военного давления, и, наконец, третья, случившаяся в 1794 году в результате радикализации местной политической жизни. Напуганный революционными событиями, которые приведут в Женеве в июле-августе 1794 года к настоящему террору по парижской модели⁶, отец Галиффа, как и многие представители патрициата, еще в 1792 году увез семью за город в деревню Превранж, находящуюся в Во, около городка Моржа, то есть на территории Берна⁷. Однако ничего не могло гарантировать, что французские войска не вторгнутся и на территорию Во. К тому же, Галиффы, опять-таки, как и многие другие патриции, сильно пострадали от ухудшения экономической ситуации в Женеве с начала революции во Франции⁸, в результате чего молодой Джеймс был вынужден оставить родительское имение 30 мая 1795 года⁹, чтобы посвятить себя коммерческой карьере за рубежом¹⁰.

Этот выбор был предопределен пошатнувшимся материальным положением семьи, но не соответствовал ни вкусам, ни воспитанию молодого человека. Молодой Жак Огюстен получил классическое об-

разование, сначала в Арау, а потом в Женеве¹¹. В Арау он учился у доктора Лудвига Рана (1770-1836), в известном пансионе, основанном отцом Рана в 1772 году¹². В этом молодой Галифф подчинялся распространенной среди богатых женецев воспитательной модели, которая подразумевала, что часть образовательного процесса должна пройти в немецкоговорящей части Швейцарии¹³. В пансионе царил сочетание интеллектуальной требовательности с воспеванием простоты нравов. В нем Галифф не только выучил немецкий язык; он еще и усвоил этос новой чувствительности, распространенной в немецкоговорящей культуре Швейцарии и известной остальной Европе по идиллиям Геснера. Этот культурный код оставил глубокий след в молодом человеке, о котором известно, что, несколько лет спустя он попытался отравиться после преждевременной кончины кузины, в которую он был влюблен¹⁴. В таком контексте не сложно представить, что коммерческая карьера должна была показаться ему слишком низкой. Об этом известно по письму, написанному ему его другом Фредериком де Фреденрейшом 26 апреля 1795 года, в котором автор сочувствует Галиффу за такой несчастный жизненный поворот¹⁵.

Но этот выбор не соответствовал и статусу Галиффов, которые готовили сына к куда более престижной карьере государственного деятеля женецкой республики или дипломата при иностранном дворе¹⁶, этим следуя крепко установленной семейной традиции.

Отправившись за границу, он сначала попал в Гамбург, где поступил на работу в банк семьи женецкого происхождения Буэ де Шапо-руж (Boué-de Chapeau-rouge)¹⁷. Его знание нескольких иностранных языков быстро сделало из него ценного сотрудника, в связи с чем его пригласили на работу в другой банк. Не наладив отношений, однако, с хозяевами нового банка, он покинул Гамбург и отправился в Лондон в 1798 году¹⁸, где при поддержке лондонских женецев устроился к другим банкирам, опять-таки женецкого происхождения, Казеновам¹⁹.

Будучи в Лондоне, Галифф предложил Лорду Карлайлу свои услуги в качестве английского агента в Швейцарии, когда тот попытался убедить парламент в необходимости финансово поддержать анти-французские настроения швейцарцев, в некоторых местах превращающиеся в открытые мятежи²⁰.

Вернувшись в Гамбург в 1802 году, он поступил на работу к торговцу и банкиру Ричарду Паришу. Поработав в Гамбурге, а также в Амстердаме у банкира Рене Беренброка, он отправился в Россию в 1805 году.

Специфическая география передвижений Галиффа в этот первый период его взрослой жизни характерна для его профессиональной среды. Гамбург, Лондон и Амстердам были важными торговыми и банковскими центрами, к тому же относящимися к протестантскому миру, в которых могла успешно развиваться карьера молодого женеца, пользовавшегося поддержкой международной сети, развившейся в XVIII веке за счет интернационализации коммерческих предприятий женецких высших кругов²¹.

В России он сначала поселился в Петербурге, где устроился на работу к прусскому банкиру русского двора барону Ралю²². Принять такое решение ему, очевидно, было сложно, учитывая известный всем сложный характер банкира. В письме отцу от 2 декабря 1805 года молодой Галифф предупреждает отца, что он слышал о том, как грубо относится иногда Раль к своим сотрудникам, и что он лично не будет этого допускать:

«Шведский консул в этом городе Г. Кох, с которым мы часто виделись в Амстердаме, меня без моего ведома усердно рекомендовал своему компаньону Г. Швинку, который очень любезно принял меня и вручил мне рекомендательные письма в Ригу и Санкт-Петербург. Чем больше писем, тем лучше для меня; так как с таким человеком, как Господин Раль, нужно быть ко всему готовым. Конечно же, я сделаю все возможное, чтобы поладить с ним и буду терпеть его резкий нрав, сколько выдержу – но, если он позволит себе довести дело со мной до побоев, а я уже слышал о том, как это случалось с некоторыми его служащими (даже в присутствии иностранцев), этого я уж не потерплю. Однако у меня есть все основания полагать, что благодаря моим рекомендательным письмам он проявит ко мне больше внимания и деликатности и не будет обращаться со мной как с простым служащим. В любом случае, у меня не будет никаких затруднений найти хорошее место в Петербурге, учитывая ту легкость, с которой я веду переписку на разных языках и хорошо понимаю многие из них»²³.

Опасения Галиффа характерны для его особой личной ситуации. Контраст между его престижным социальным происхождением, с одной стороны, и расстройством финансов его семьи с другой ставил его в унижительное положение, в котором ему приходилось зарабатывать на жизнь в качестве банковского служащего, что совершенно не соответствовало его семейному статусу.

Более поздние письма Галлифа подтверждают, что его опасения были не напрасны. Его отношения с Ралем действительно скоро осложнились. В конце 1806 года он написал другому барону, Клейну, в Ригу, чтобы предложить свои услуги. Содержание этого письма позволяет определить, какими компетенциями обладал молодой женевец накануне своей встречи с Карамзиным:

«Господин барон, я узнал, что вы ищете служащего в вашей конторе на замену Господину Стоунсу и решил предложить вам свои услуги по рекомендации Господина барона де Раля, который любезно согласился порекомендовать меня и передать мое письмо. Из пятнадцати лет, которые я провел, изучая коммерческое дело в Гамбурге, Лондоне, Амстердаме и здесь, мне посчастливилось один год провести в его доме, и с его разрешения вы можете обращаться к нему за любыми сведениями, которые пожелаете собрать о моем характере и знаниях: я буду рад, если через его посредничество мои услуги вам подойдут, и мы заключим с вашим домом выгодный для нас обоим договор. Мой основной вид деятельности – это переписка, которую я с удовольствием буду вести на трех языках по вашему усмотрению; английский, французский и русский я знаю лучше всего; но мне приходилось вести переписку на немецком, голландском, итальянском и испанском, и мне не составит никакого труда заняться одним из этих языков, если вам будет угодно, чтобы я знал его в совершенстве. Я много занимался закупкой и продажей товаров из моей страны, и я с удовольствием займусь этим делом: что касается обмена денег, вам известно, что я учился у лучших, и надеюсь, что мне это пригодится. Наконец, у меня есть близкие и влиятельные друзья в главных городах Европы, к которым я могу обратиться, если вы сочтете нужным послать меня с поручением. Единственное, чем мне не нравится заниматься в конторе, это работа с кассой и с книгами. За исключением этого я с удовольствием примусь за любую другую работу»²⁴.

Как видно по этому письму, некоторые стороны коммерческой карьеры были неприятны молодому женеvcу, в том числе «работа с кассой и с книгами». Наоборот, он явно не без удовольствия путешествовал, и гордился тем, что располагал в разных европейских городах богатой сетью знакомых, не говоря о его высшем культурном капитале, проявляющемся отчасти в его знании многих иностранных языков.

Разрыв между этими двумя сторонами его социальной личности объясняет его попытки поддержать отношения с представителями интеллектуальных и художественных кругов. Этому способствовала специфика культуры деловых людей женеvского происхождения. Как отметила Коринн Уолкер, начиная с XVIII века самые успешные женеvские мастера, те самые, которые открывали филиалы в Лондоне или в Петербурге, подражали образу жизни патрициев, в том числе культивируя вкус к искусству и литературе²⁵. К этой среде относилась семья успешных торговцев и ювелиров при русском дворе Дювалов²⁶. К ним сразу попал молодой Галифф после прибытия в Петербург, о чем свидетельствует составленный им список знакомых в Петербурге за годы 1805-1806, в котором упоминаются Франсис, Луи и Жорж Дювалы²⁷, а также члены семьи Теремэн, другой династии женеvских ювелиров, поселившихся в России²⁸. Как отметили Анн Мезин и Владислав Ржеуцкий, у Дювалов собиралось общество художников и литераторов²⁹, от которых Галифф, наверное, впервые узнал о русской словесности в целом, и о Карамзине в особенности.

2. История одного знакомства

Общение с интеллектуальными кругами столицы, видимо, оказалось недостаточным для утоления интеллектуальной жажды молодого Галиффа, которого, к тому же, по-прежнему мучили сложные отношения с Ралем. Желая найти работу, более соответствующую его личным вкусам, и которая, как он, наверное, надеялся, ему обеспечит место в Республике словесности, Галифф решил стать гувернером, о чем он написал родителям 5 апреля 1807 года³⁰. Такое решение не удивительно, так как статус Галиффа соответствовал социальному профилю иностранного гувернера: он был франкофоном, но не французом, что внушало доверие; он был протестантом, что уменьшало угрозу религиозной вербовки русских детей и служило гарантией нравственной серьезности; он обладал высоким

культурным капиталом, но был небогат; он был молод, и соответственно, свободен от семейных обязанностей³¹.

Судя по письму родителям, ему предложили место около Екатеринослава, и он, видимо, отправился в Москву по дороге туда. В Москву он прибыл 20 апреля 1807 года, судя по письму, написанному родителям 22 апреля, в котором он пишет, что приехал за два дня до этого³². Доехав до Екатеринослава в июне 1807 года³³, он провел некоторое время в качестве гувернера у помещика майора Василия Ивановича Синельникова (Sineilnicof) в имении Любимовка, о чем свидетельствует контракт, подписанный помещиком и Галиффом, хранящийся в архиве Галиффа в Женеве³⁴.

Полюбив сначала жизнь гувернера в деревне, Галифф скоро разочаровался в ней, особенно когда наступила зима и когда ему пришлось переехать вместе с Синельниковыми в другое их имение, Очереватое, очевидно, гораздо менее комфортабельное. Получив письмо, не дошедшее до нас, в котором родители ему, очевидно, писали, что место у Синельниковых было недостойным его таланта и происхождения, он покинул их в январе 1808 года и отправился обратно в Петербург, где надеялся получить у княжны Лобановой место гувернера, тем более завидное, что княжна должна была скоро отправиться в Швейцарию³⁵.

По дороге обратно в Петербург, он проехал через Харьков и Москву, где и познакомился с Карамзиным, которому Галифф написал еще с Украины, с просьбой быть принятым им. Об этом свидетельствует первое письмо Карамзина Галиффу, хранящееся в отделе рукописей женевской библиотеки. Письмо датировано 8 декабря 1807 года и адресовано «в дом Г. Майора Василия Ивановича Синельникова в Любимовке в Екатеринославе». В письме Карамзин благодарит молодого человека за полученное письмо и выражает живой интерес к «открытию» («découverte»), сделанному Галиффом, которое молодой человек предлагает раскрыть историку, когда он приедет в Москву:

«Москва, 8 декабря 1807

Милостивый государь,

Я имел честь получить ваше письмо, и оно меня очень заинтересовало. Я с большим нетерпением жду вашего приезда в Москву, где я намереваюсь провести всю зиму. Мой адрес: в доме Князя Андрея Ивановича Вяземского у Колымажного Двора на Пречистенке. Но если вы

откажетесь от вашего намерения приехать в Москву, то в таком случае умоляю вас сообщить мне о вашем открытии; чем длиннее будет письмо, тем приятнее мне будет его читать.

Имею честь выразить вам свое высокое уважение и глубокое почтение, Милостивый государь, Ваш преданный и покорный слуга: Н. Карамзин»³⁶.

Как видно по содержанию письма Карамзина, Галифф сумел привлечь внимание почтенного историка, обещая поделиться с ним неизвестным историческим материалом. Не исключено, что в эту риторическую стратегию входил элемент социального расчета. Галифф умел завязывать завидные знакомства и хвастаться ими, за что его впоследствии критиковали, как видно по биографическому очерку, написанному его сыном, в котором последний защищает отца от обвинений в тщеславии³⁷. Однако, это вовсе не означает, что молодой Швейцарец не питал настоящий интерес к науке, к которой его толкало как и собственное воспитание, так и отвращение, вызванное работой в конторе у банкира.

О проекте познакомиться с Карамзиным Галифф написал также родителям 2/14 января 1808 года. Видно по содержанию письма, что будущая встреча рассматривалась Галиффом и как доказательство его социальных успехов в России³⁸.

Встреча с историком состоялась 13 февраля, о чем известно по записке Карамзина от 12-го, в котором писатель пишет, что будет ждать Галиффа на следующий день:

«С величайшим удовольствием буду ждать вас завтра к полудню или к часу, милостивый государь, и покорнейше благодарю вас за честь, которую вы сообразовали мне оказать»³⁹.

Наконец состоялась встреча, длинное описание которой сохранилось в дневнике Галиффа, написанном на английском языке, соответственно требованиям англomanии женевских патрициев конца XVIII века:

«В 12-11:30 я сел в сани и сначала намеревался поехать к 2-ну Парроту, но, не найдя его адреса, я отправился к 2-ну Карамзину. Я его застал за письмом в библиотеке среди книг и бумаг, еще два молодых

человека были также за работой за соседними столами¹. Его жилет был покрыт фунтом нюхательного табака. Он высокого роста с приятной наружностью и джентельменскими манерами, по-французски говорит в превосходстве с элегантностью слога. Наш разговор начался несколькими словами о моей службе на Юге; о том регионе, где он не был (он даже не был в Киеве) и о его желании поехать туда; он сказал мне, что видел Пикте незадолго до этого. После чего он осведомился о результатах моих исследований, но, поскольку я плохо себя чувствовал в тот день, я представил дело в неуклюжей форме, и он не согласился со мной в степени уверенности, которой заслуживает мое открытие. Тем не менее, он попросил меня предоставить ему список схожих слов, и мы начали разговаривать о языках. Он считает, что греческий, латинский, старославянский и немецкий языки произошли из одного источника, но в отличие от меня он выражает менее уверенности в том, что славянский язык более древний, чем остальные. К моему великому удовольствию, он сообщил мне, что русский язык совсем не является диалектом старославянского, это один и тот же язык, в котором слова **городъ, голодь, голось** и др. всегда существовали в той же форме, что и сейчас; однако он сказал, что Библия, переведенная впервые в Моравии (в 9-ом веке), была привезена в Россию на моравийском диалекте и не была переведена на русский, поскольку была в достаточной мере понятна для населения. А поскольку была только эта книга, и монахи, которые в ту эпоху являлись единственными писателями в России, знали ее наизусть, они стали употреблять в летописях много выражений, которые были не русскими, а моравскими. Однако, в то же время язык сохранялся в своем прежнем облике в разговорной речи, и тогда как монахи писали **гласъ, гладь, градъ**, народ говорил **голось, голодь, городъ**. Я всегда был уверен в том, что русский язык в его нынешнем виде более древний, чем язык Библии и летописей, и был в восторге от того, что мое мнение подтвердилось. Г-н Карамзин рассказал мне все, что он знал о древней эпохе народа, но он, по-видимому, не разделяет моей точки зрения о том, что язык, прежде чем он наполнился барбаризмами, был богатым и изыс-

1. *Один из этих молодых людей был князь Вяземский, который, в то время, часто занимался в кабинете г-на Карамзина. [Сноска Галиффа – Р.Б.]

канным. Видимо, он не собирается включать в свою Историю ни одного факта без убедительных доказательств. Он назвал г-на Леклерка самым наглым и отвратительным лжецом, которого только можно представить, и считает его работу очень плохой из-за постоянных параллелей с историями других стран. Что касается г-на Л'Эвека, он относится к нему с большим презрением, но без враждебности; он убежден, что тот никогда не изучал рукописи, которые упоминает, а все переписал из историй кн. Щербатова и Татищева, из которых вторая представляет собой собрание лживых данных и предположений и создана была лишь из единственно желания нагнать. Что касается его собственной Истории, он предполагает, что она будет закончена не раньше, чем через 7 лет, и это по крайней мере, и он заверил меня, что смотрит на свой труд не как на источник славы. Ему кажется, что никакая слава, по крайней мере, значительная слава не может быть приобретена подобным письмом, потому что никто не может вообразить себе те огромные усилия, которые оно требует, за исключением того человека, кто сам прилагал эти усилия, а такого человека, как он сказал, не существует. Одни похвалят стиль, но подвергнут сомнению правдивость повествования, а те немногие, у кого будет возможность проверить некоторые отрывки (все не смогут), не воздадут ему честь за изложенную суицидную правду, поскольку это долг, а не добродетель. Но он сказал, что сам пожелал заниматься этим трудом и получает от него удовольствие – несмотря на то, что этот труд лишает его возможности в полной мере наслаждаться домашним уютом в обществе жены и детей – потому что он смотрит на историю каждого народа, как своего рода Библию, то есть история для народа представляет собой то же самое, что и Библия для Христианства, а также потому что есть своего рода упоение в труде, не связанном с поисками славы, и в возможности писать чистым и несколько элегантным слогом. Он показал мне некоторые из самых старых рукописей, которых у него было много. В заключении, он пригласил меня приходить к ним ужинать каждый день, когда я буду свободен, сказав мне, что после 8 часов я всегда могу застать его самого, его жену и [князя – Р.Б.], а также княжну, их сестру. Поскольку он живет в доме кн. Вяземского (**близ калымажного двора**), я предполагаю, что княжна Вяземская является его свояченицей. Он был очень вежлив со мной. Я провел с ним наверху час и потом вернулся к себе ужинать»⁴⁰.

Через два дня после встречи, Карамзин написал Галиффу и поблагодарил его «за тетрадь», которую он обещал ему вернуть при встрече:

«Примите мою искреннюю благодарность, милостивый государь. Я молюсь за ваше выздоровление и буду счастлив увидеть вас в ближайшие дни. По поводу книг я советую вам обратиться к господину Горну на кузнецком мосту. Я верну вам тетрадь при встрече»⁴¹.

Очевидно, тетрадь содержала изложение «исторического открытия», сделанного Галиффом еще на Украине, и которое, по его словам, по причине болезни он неудачно представил Карамзину во время встречи. Судя по описанию реакции Карамзина, а также по письму, написанному Галиффом матери еще с Украины 5/17 сентября 1807 года, открытие заключалось в следующем: участь русскому языку и интересуясь старославянским языком, Галифф нашел точки соприкосновения в их этимологиях с этимологией латыни, из чего он заключил, что латынь происходила от старославянского языка, и, соответственно, что Рим был основан Славянами:

«Мне кажется, я забыл сказать отцу, каким образом я обнаружил, что Рим был построен старославянами. Дело в том, что слова *Senat*, *peuple*, *roi*, *asyle*, *poterium*, *licteurs*, *sasces*, *populace*, *Curie*, *tribu*, а также названия всех древнеримских игр имеют все практически славянские корни. Например, *Consualia* это древнеримские игры в честь Конного Нептуна, и этимологи утверждают, что их имя происходит от *Consus*, бога совета, не заботясь о том, существует ли хоть малейшая связь между Нептуном и Консом, что по себе абсурдно; но *kon* на старославянском это конь, и *svalit* свалить; это довольно ясно; а вот еще более наглядный пример. В празднествах под названием *Supercalia* жрец прикасался окровавленным ножом ко лбу молодого человека, который обязан был улыбаться. Мы никак не могли понять, откуда появилось название этого развлечения, а также имя священника *Supercalis*. *Lobpericali*, на старославянском означает *пронзи мой лоб*.

Palilia была другой забавой, когда прыгали через горящую солому. *Palili*, на старославянском означает *Зажгли*, что, вероятно, служило сигналом. *Hrom* означает Гром; *Hromolosk*, отблеск грозы или блеск Рима. Имена первых римлян все означали *страстный, горячий, вздорный, драчун, огненный, болтун, терпеливый, выносливый, ходо, крикун, спя-*

щий, смотрящий искоса, вооруженный до зубов; тот, кто много жестикулирует, палач; как мне кажется, эти имена выбирали для них, если была возможность. Magustrachit означает могу испугать; Magusterech, могу оберегать. Calius это название одного холма, укрепленного Ромулом. Colia это заборы, изгороди, скорее всего единственные укрепительные сооружения, которые он использовал. Agones это были состязания по бегу; gonets это гонец, gonou гоню. Ничего яснее и быть не может. Самое поразительное, это то, что placat, плакать на старославянском означает успокоить на латыни. Юпитер, Минерва, Церера, Марс, Плутон, Нептун происходят все от старославянского. Jisnpitat означает сохранять жизнь; Mir-nerva, та, которая оберегает мир. Zret, плоды созревают, Pluof плутов (Покровитель мошенников), Smert, Smerti, смерть; Nestonut, нетонуций. Murtur вероятно происходит от mir, mir, мир, мир.

Я мог бы так продолжать до бесконечности, если бы захотел представить вам все доказательства моего открытия. Я намереваюсь серьезно заняться работой, о которой я вам писал. При случае я вам отправлю экземпляр. Я только добавлю, что почти все военные термины имеют старославянские корни и что существует несметное количество латинских слов, чье старославянское происхождение настолько явно, как дважды два будет четыре. Например, *affari* лат: *havarit* гаварить сл: ; *flamma*, лат, *plamia* пламя, слав; *fluo*, лат, *vliou* влию сл: ; *vibro*, трясти, *vibrosit*, сл: выбросить, выкинуть ; *immolo*, я приношу жертву, *ismoliou*, достигаю своими молитвами ; *mollio*, разжалобить, *moliou*, я молю ; *strages*, поражение, *strach*, страх ; и множество других, где, как и в последних словах, совершенно ясно, что латынь произошла от старославянского, а не старославянский от латыни. Есть очень забавные слова, которые красочно описывают спор между победителями и побежденными. *Pravo*, на старославянском это право, по латыни это *неправо*; *hosti* на старославянском это иностранцы, гости; по латыни *враги*; *malum* по латыни означает плохой, когда они преподносят что-то в дар старославянам, те им говорят *talo malo*: латинцы предпочитали блондинов и называли их красивыми *beaux*, *belli*, старославяне же называли их просто белыми *blancs*, *beli*; зато старославяне называли полных людей *crasni*, красивыми, а латинцы называли их *crassi*, толстыми. Существует немало таких любопытных соответствий. Оказывается,

что старославяне были очень цивилизованными; так как *scribo я пишу* произошло вероятно от *screibet скрести железным инструментом по камню*, и *pisat писать или рисовать превратилось*, вероятно, в *pingo, pixi, я рисую*. *Tragat трогать* кажется мне более подходящим этимологическим объяснением для трагедии, чем *tragos, козел*, которое считают однокоренным; точно так же, вместо того, чтобы считать, что *comedia* произошло от *comedere есть вместе*, мне кажется более естественным провести параллель между *comedia комедия* и *smeiatis смеяться*, тем более, что славянское *с* пишется *с*, из чего получилось *emeiatis*.

Poet означает *он поет*; таким образом, почти нет сомнений в том, что это корень слова *Poeta*; и заметьте, что слово произносится *Poiet*, что сближает его с греческим вариантом. *Verum* по латыни означает *правда*, на старославянском *verou, я верю, vera, вера, vernost верность*. *Gracavi* по латыни означает *жить в распутстве*, и это слово посчитали однокоренным со словом *gracus*, как будто греки были самыми худшими из людей, *grach*, на старославянском означает *зрех*; *grachaf, зрешить*. Древние латынцы, будучи пастухами, вероятно не имели королей, а начальников, которых называли *Primi, первыми*. Ромул убил одного и, естественно, взял его оружия в качестве почетного трофея *at prima*, взятых с *Primus*, [неразборчиво – Р.Б.]: присутствующие латынцы подумали, что это означает *optima тучный, толстый*, не подумав о том, что останки начальника никак не толице останков простого солдата. *Cestus*, по латыни это *пояс невесты*, на старославянском *cest* (произн. «с» на итальянский манер) это *честь*. *Latus*, веселый; *leto*, лето: Кормилицу Ромула звали *Liba* (произносится как *Liouba*), любимая; затем стали произносить *lupa*. И все вообразили, что его вскормила волчица. Ну, и чтобы до конца выглядеть смешными, нам захотелось, чтобы молодые воины, среди которых не было ни одной женщины, называли себя *Pères*, а свое собрание *Sénat*, от слова *senis*, старый: *znaten* на старославянском означает *благородный, знатный*, и *padrastí, подрасти*; *padrostre* это сформировавшийся мужчина, достигший зрелого возраста: без сомнения, эти этимологические объяснения более правдоподобны, чем *pater, и senis*.

Rorolou означает *по полю, те, кто живет на равнине*; знать строила дома на холмах, а простой народ – на равнине; *pleva* это *остатки, пена, отбросы*. *Curia* происходит от *curhan*, курган, могильный холм. Вот, я думаю, достаточно, для того, чтобы вам доказать, что мое

открытие мне не приснилось, и что изучение языков мне весьма пригодилось. Впрочем, мне понадобится еще немало времени, чтобы знать русский в совершенстве; это чрезвычайно трудный язык, и как бы не удивлялись моим успехам, сам я чувствую, что мне еще много нужно работать, чтобы быть совершенно русским. Старославянский язык отличается от русского, но существуют общие сходства, и, даже если в обществе нельзя говорить на старославянском, можно свободно использовать этот язык в поэзии или в возвышенной прозе: все старославянские слова и даже их склонения и спряжения там допускаются; зато употребление русских слов в старославянском не допускается. Это предок русского языка, библия вся написана на старославянском. Я изучаю сразу два языка, и это меня тормозит, но как только я закончу изучение, результат будет полным. Как только я заговорю по-русски как по-английски, я выучу шведский»⁴².

Открытие Галиффа интересно исторически. Оно вписывается в бесчисленные попытки реконструкции истории на основе этимологии⁴³. Среди многих примеров таких попыток попытка Галиффа близка к очерку, опубликованному Левеком в 1782 году в начале его «Истории России», под названием «Опыт об отношениях языков Славян с латинским и греческим языками» («Essai sur les rapports de la langue des Slaves avec les langues grecque et latine»). В этом очерке Левек развивал идею о том, что сходство в этимологии многих старославянских и латинских слов, наконец, свидетельствовало о присутствии Славян в Лациуме в древнейшие времена: «Мы просмотрели большую часть исторических доводов и предложений, на которых основывается древность славян. Но если доказать, что их язык имеет общие корни с языками древних жителей Лация, или скорее, что древние латынцы обязаны старославянскому языку появлением первых элементов в их языке, мы убедимся в том, что древность славян определить сложно, так как она древнее всех известных нам античных цивилизаций. Мы сможем также предположить, что Лация была вначале населена полудикими людьми, принадлежащими к роду славян, которые и сами были еще почти дикарями»⁴⁴.

Выдвинув эту смелую историческую гипотезу, Левек проводил ряд лексических сопоставлений, заключая очерк выводом о существовании единого изначального пранарода и праязыка:

«Мы могли бы продолжить дальше наши поиски и обнаружить много общего между старославянским языком и греческим или немецким, вероятно, настолько же древним, как и греческий, хотя последний усовершенствовался с времен Гомера, а немецкий пока еще нет. Благодаря этому открытию мы обнаружили бы в глубокой античности период, когда почти все народы Европы, которые мы считаем настолько разными, составляли один единый народ. <...> Я даже полагаю, что если достаточно хорошо владеть языками народов Азии или Европы, то можно будет обнаружить между ними сходства, которые напомнят нам о наших корнях и вернут нас к нашим истокам»⁴⁵.

Именно этот аспект, благодаря его близости к развивающейся во второй половине XVIII века теории о существовании общего праязыка — ныне известного под названием праиндоевропейского — запомнили из очерка Левека его последователи, от Шлецера до Карамзина. Последний отдал должное Левеку в примечании к первому тому «Истории государства российского», упоминая его идею и ее подтверждение Шлецером:

«Это справедливо заметил Левек. «Никто не сомневается (пишет Шлецер в Proben Russisch. Annal. стр. 71), чтобы Немецкий, Греческий и Латинский не были в основании одним языком. Славянский также»⁴⁶.

Оценив интуицию Левека относительно принадлежности старославянского языка к индоевропейской семье⁴⁷, его последователи не поддержали его идею о присутствии славян в Лациуме и о первенстве старославянского языка относительно латыни. По всей видимости, сам Левек скоро убедился в ошибочности своей теории, о чем свидетельствует ее исчезновение из текста «Опыта об отношениях языков Славян с латинским и греческим языками» в переизданиях «Истории России» 1799-1800 и 1812 годов, о которых известно, что они были сильно переработаны Левеком⁴⁸.

По этой причине близкая по содержанию теория Галиффа не могла показаться убедительной Карамзину. Тем более, что Галифф, который, видимо, не знал труда Левека — он ошибочно пишет его фамилию в своем дневнике — одновременно упрощал и радикализировал идею французского историка. Тогда как Левек предполагал, что Лациум был населен славянами в древнейшие времена, в результате долгого исторического

процесса распространения пранарода по Азии и Европе, Галифф писал, что Славяне являлись прямыми основателями Рима. К тому же, изложение теории Галиффа вызывало впечатление, что славяне завоевали Лациум быстро, что прямо противостояло исторической концепции Левека. Возможно, впрочем, что идея молодого женева была ближе к идее Левека, чем кажется по его письму матери, и что он действительно плохо ее представил, когда его принял Карамзин. Тем не менее, она страдала еще от одного дефекта: в отличие от теории Левека, она была основана на ошибочном понимании этимологии. Короче говоря, Галифф, которому пришлось прекратить обучение под влиянием революции в Женеве, явно не обладал достаточными знаниями, чтобы серьезно заниматься этим вопросом.

Из любезности, однако, а также, наверное, потому, что был тронут интересом Галиффа к истории России, Карамзин ему предложил заходить в гости, когда ему этого захочется.

Галифф принял любезное приглашение, и начал посещать дом Карамзина регулярно, начиная с 21 февраля 1808 года, даты его второго визита, во время которого он познакомился с остальными членами семьи, до его отъезда в Петербург через тринадцать месяцев после этого, в апреле 1809 года.

Во время своих визитов Галифф неоднократно говорил об истории с Карамзиным, как известно по его дневнику за 1808 год, а также по итоговому портрету Карамзина, который он нарисовал в этом же дневнике в 1809 году:

«[Пятница, 27-ое марта 1808 — Р.Б.]

У нас был довольно долгий разговор с 2-ном Карамзиным об античных историках, в частности о Таците и Ливии, и об отсутствии критического взгляда на факты у римских авторов. Мы не совсем соглашаемся по поводу того, как следует писать историю»⁴⁹.

«[Вторник, 26-ое марта 1808 — Р.Б.]

Мы много разговаривали с 2-ном Карамзиным об истории и о том, как ее писать. Он начал разговор о последнем, представив на мое обозрение введение Юма к царствованию Генриха III, назвав его несущественным и даже несколько педантичным. После этого мы говорили о Гиббоне, которого он хвалит не больше, чем я, о Берке, Питте, Фоксе и т.д.»⁵⁰.

«[Среда, 24-ое марта 1809 – Р.Б.]

<...> Мне кажется, что его история России не будет уступать истории Англии Юма. Вероятно, он избежит недостатков Юма, но боюсь, что вместо них появятся другие. Видимо, для него история – это больше изложение фактов, как в официальной газете, чем поучение нравственности. Никто не презирает больше меня глупые напыщенные речи о моральных обязанностях принцев, которыми переполнены истории французских авторов; тем не менее, по моему мнению, Тацит является единственным безупречным историком, а Лорд Кларендон близок к безупречности»⁵¹.

Как видно по этим цитатам, концепции истории у Карамзина и Галиффа во многом расходились. Это можно объяснить разными причинами:

Во-первых, Галиффу нравились исторические труды, содержащие философские размышления и моральные поучения. Поэтому ему нравились прежде всего Тацит, которого он ставил выше всех историков, как древних, так и современных. Карамзин, наоборот, остерегался таких трудов. Моральные поучения он, правда, допускал у древних, о чем свидетельствуют его размышления в предисловии к «Истории государства Российского», в котором он отдает должное как Тациту, так и Титу Ливию⁵². Зато он категорически осуждал поучения и философские размышления в работах современных историков, критикуя в том же предисловии к «Истории» Мюллера, который хотел сравниться с Тацитом моральными речами, и восхваляя Юма, который воздерживался от этого⁵³.

Моральному поучению и отвлеченным философским идеям Карамзин предпочитал строгое изложение фактов. В предисловии к «Истории» он напишет, что «искусное повествование есть долг бытописателя, а хорошая отдельная мысль дар»⁵⁴. Поэтому Карамзин, к неудовольствию Галиффа, критиковал римских историков, которые слишком часто отдавали предпочтение размышлениям над исторической точностью. Поэтому же в первой беседе с женецем он критиковал Леклера, у которого философская концепция преобладала над фактами. Поэтому, наконец, он не мог оценить «открытие» Галиффа, которое, как мы видели выше, опиралось на смелую идею, но имело весьма слабую фактическую основу. Такое строгое изложение фактов – относительно которого

Карамзин требовал также, чтобы оно было основано на прямом чтении первоисточников, а не исторической литературы, как это делал Левек – казалась Галиффу сухим, за что он в своем дневнике сравнил исторический труд Карамзина с «официальной газетой». В этом и заключалось их второе разногласие.

В-третьих, Галифф и Карамзин, видимо, расходились в мнениях относительно стиля исторических трудов. В предисловии к «Истории государства Российского», Карамзин оценивает Тацита за его «силу», а Тита Ливия за его «плавность» и «красноречие»⁵⁵. Зато от современных историков и в первую очередь от самого себя русский историк требовал «чистоту» и «изящество» («a pure and somewhat elegant style», как пишет Галифф в своем дневнике после первой беседы с Карамзиным). Такой стиль, видимо, казался Галиффу слишком простым для такого высокого жанра, как история. Как видно по его дневнику за 1809 год, в его личном пантеоне историков второе место после Тацита занимал Лорд Кларендон, то есть Эдуард Хайд, автор «Истории мятежа и гражданских войн в Англии» (1702-1704). Уважаемый современниками, от Юма до Маколей, за его честность в изложении описанных фактов, Хайд зато осуждался за его стиль, охарактеризованный Юмом как «многословный и цветистый» («prolix and redundant»⁵⁶), а Маколей как «неприятно пышный» («disagreeably pompous»⁵⁷). Очевидно, такой стиль нравился молодому женецу, который начал литературную карьеру сочинением похвального слова дедушке, но не мог понравиться Карамзину, который старался придать своей «Истории» те стилистические качества, которые в начале его литературной карьеры сделали его отцом новой русской прозы, а в начале XIX столетия кумиром «новаторов».

Наконец, как видно из слов Карамзина о работе над его историей во время первой беседы с Галиффом, русский писатель не думал, что такой труд может обеспечить его автору славу:

«Что касается его собственной Истории, он предполагает, что она будет закончена не раньше, чем через 7 лет, и это по крайней мере, и он заверил меня, что смотрит на свой труд не как на источник славы. Ему кажется, что никакая слава, по крайней мере, значительная слава не может быть приобретена подобным письмом, потому что никто не может вообразить себе те огромные усилия, которые оно требует, за исключением того человека, кто сам прилагал эти усилия,

а такого человека, как он сказал, не существует. Одни похвалят стиль, но подвергнут сомнению правдивость повествования, а те немногие, у кого будет возможность проверить некоторые отрывки (все не смогут), не воздадут ему честь за изложенную сузую правду, поскольку это долг, а не добродетель. Но он сказал, что сам пожелал заниматься этим трудом и получает от него удовольствие – несмотря на то, что этот труд лишает его возможности в полной мере наслаждаться домашним уютom в обществе жены и детей – потому что он смотрит на историю каждого народа, как своего рода Библию, то есть история для народа представляет собой то же самое, что и библия для Христианства, а также потому что есть своего рода упоение в труде, не связанном с поисками славы, и в возможности писать чистым и несколько элегантным слогом».

Сравнение истории с Библией содержало отождествление, ставшее впоследствии популярным, историка с монахом. Галифф же видел в своей историко-лингвистической теории способ обратить на себя внимание самого государя, о чем он писал родителям с Украины:

«Во время моего пребывания в Москве я сделал историческое открытие настолько важное для древней истории здешнего государства, что оно непременно придаст мне важности. Я обнаружил, что Рим был основан славянами, и доказательства, которые я предоставлю, настолько очевидны, что это станет важным событием в республике словесности не только России, но и всей Европы. Я намерен написать два трактата по этому поводу, один Императору или одному из его министров, на французском (я передам вам несколько экземпляров при случае), другой, на английском, своему другу Г. Бругхаму. Как только эти труды будут готовы к публикации, я не покладая рук буду работать над новой историей Рима, представляя ее в совершенно новом и оригинальном ракурсе <...> Надеюсь создать себе хорошую и солидную репутацию благодаря этим работам»⁵⁸.

Очевидно, Галифф не сомневался, что теория, предлагающая видеть в славянах основателей Рима, понравится царю, так как она подкрепит историческую легитимность России и ее права на имперскую судьбу⁵⁹.

Другими словами, интеллектуальный труд рассматривался им, согласно социальной модели, установленной в России еще в XVIII веке, и распространенной как среди русских писателей, от Тредиаковского до Ломоносова, так и среди иностранцев, от губернаторов до авантюристов-утопистов⁶⁰, как инструмент восходящей социальной мобильности, что было уже неактуально для Карамзина, ставшего историографом еще в 1803 году, и позиционировавшего себя, согласно новому предромантическому вкусу, как писателя, писавшего для славы Родины, а не для государя.

С момента, когда Карамзин понял, что он не найдет в Галиффе настоящего интеллектуального партнера, и когда Галифф понял, что он не сможет использовать Карамзина в своей собственной социальной стратегии, молодой женевец получил статус менее завидный, чем тот, о котором он изначально мечтал, простого друга семьи.

На символическом уровне это выразилось в том, что он стал общаться преимущественно с женщинами и с представителями молодого поколения, а именно с Екатериной Карамзиной, княжной Екатериной Андреевной Вяземской и Петром Андреевичем Вяземским, несмотря на то, что он по возрасту был ближе к Карамзину, чем к Вяземскому.

Став завсегдатаем вечеров Екатерины Карамзиной, Галифф покорила сердца своими светскими талантами. Как указывает его дневник, он часто играл в бостон с хозяйкой салона; он также играл на фортепиано, в том числе исполнял швейцарскую мелодию «Rans des vaches», ставшую популярной благодаря вкусу к идиллической Швейцарии и впоследствии получившую известность благодаря Россини; он танцевал с княжной Вяземской и пел русские романсы с ней и ее братом Петром Андреевичем⁶¹. Последнему он особенно понравился, как видно по архиву Галиффа и его дневнику. Видимо, сам Галифф был не равнодушен к шарму княжны Екатерины Андреевны, в чем он признался родителям в письме от 18 мая 1809 года:

«Младшая [из дочерей Коломби – Р.Б.] очень мила и нежна, но мое сердце неприступно. Я все еще не могу забыть юную княгиню Щербатову, невестку княгини Вяземской в Москве, в которую я до сих пор сильно влюблен»⁶².

Взаимная привязанность достигла пика летом 1808 года, когда Вяземские пригласили Галиффа в Остафьево:

«Четверг 23-е [апреля 1808 – Р.Б.], г-жа Карамзина спросила меня, что я намеревался делать этим летом, и пригласила провести некоторое время с ними в имении, если я буду в здешних местах. Позднее князь повторил приглашение на 4-5 месяцев, и когда я сказал ему, что не могу оставаться так долго без дел, он сказал, что найдет что-нибудь для меня. Я не спрашивал подробностей, поскольку при разговоре присутствовали также Михаил Петрович Гусятников и Адамонович»⁶³.

Благодаря этому приглашению, Галифф оставил в своем дневнике подробное описание усадьбы Вяземских:

«7-ое июня [1808 – Р.Б.], в воскресенье утром ко мне приехал князь Багратион, и мы вместе отправились в четырехместном ландо в Остафьево, где были только члены семьи. Княжна была более любезной, чем когда-либо, очень приятна. После обеда мы отправились на прогулку: княжна, г-н и г-жа Карамзины и я. Князь остался с Кн. Багратионом, у которого разболелся по дороге зуб, и они играли в бильярд в то время, как мы прогуливались. Но перед этим, пока шел дождь, мы сели играть в бостон, но игра была прервана жителями деревни, которые все пришли поздравить своих господ с приездом. Княжна приказала подать им в угощение браги, пива и пирога. Мы видели, как девушка лет 20 и несколько молодых женищин выпили как воду большие стаканы браги. Поскольку они в первый раз видели все вместе своего нового барина с момента кончины его отца, они хотели видеть князя, <неразб. – Р.Б.>; <которого сестра попросила> выступить с краткой речью перед ними с заверениями, что он будет обращаться с ними также, как и его отец, и что он надеется, что они в той же мере будут любить и служить ему. Он запнулся на середине, но княжна закончила речь за него, проявляя необычайную любезность по этому случаю. Я едва мог воздержаться от слез от ее дивной мягкости в сочетании с чувством достоинства, с которыми она вела себя во время всей церемонии. После того, как обращение закончилось, женищины начали танцевать и петь песни, сочиненные специально для молодых господ их собственными поэтами. Мужчины шли на первом месте, женищины – после, согласно русской традиции, и к восхищению глаз. Во время этого маленького праздника женищины из другой (соседней) деревни шли присоединиться к торжеству. Было чрезвычайно приятно видеть, как толпы женищин идут по дороге и поют»⁶⁴. <...>

«Дом в Остафьево очень красивый. На первом этаже, я думаю, двенадцать или четырнадцать просторных комнат, не считая огромной круглой гостиной; на втором этаже большое количество спальных комнат, только половину которых занимают члены семейства. По обеим сторонам дома расположены очень широкие галереи, поддерживаемые двумя рядами из тринадцати изящных колонн с каждой стороны, в конце одной из галерей – кухня и несколько красивых комнат, в конце другой – ванная комната. Флигели тоже двухэтажные и их второй этаж соединен со вторым этажом дома прекрасной террасой, расположенной на крыше галереи. Этот дом был построен покойным князем для княгини, которая умерла, когда он был закончен только наполовину: при нем строительство продолжилось, но так и не было завершено, когда он умер; попечители приказали оставить все без изменений до совершеннолетия князя, кроме того, что необходимо было сделать, чтобы предотвратить разрушения, так все и осталось незавершенным. Сам дом готов, только не меблирован в соответствии со своим величием. Во флигелях закончены только каменная кладка и пол. Там еще нет окон, и сад не совсем еще благоустроен. В доме есть очень хорошая библиотека в 5000 томов, со множеством медалей, раковин и других любопытных вещей, механизмов и с мумией. Мы принялись с княжной за составление нового каталога книг. Она хотела заняться этим при жизни отца, но он ей не позволял. Княжна спросила: умею ли я играть в казаки-разбойники и, услышав, что я очень люблю эту игру, г-жа Карамзина пригласила меня и князя прийти когда-нибудь играть рано утром. Я уже пообещал князю Вяземскому поехать к нему и провести у них две недели, что я собираюсь сделать с этой недели. Кроме как за столом и во время прогулок, мы мало видели г-на Карамзина. В Остафьево всего 165 или 130 крестьян, но есть хорошие леса; здесь есть ткацкая мануфактура, которая очень хорошо задействует местное население, так что князь имеет доход в 5000 р. в год от поместья. Дом уже обошелся в 120 тыс. р. и потребует еще, я думаю, около 20 тыс. р. Перед домом есть хороший пруд с ключевой водой, в котором водится очень хорошая рыба, есть и река недалеко. Дом стоит довольно высоко и виды отсюда очень красивые и разные с каждой стороны: на холмы, леса или поля»⁶⁵.

Эти описания сельского праздника в честь приезда хозяев в имение и самой усадьбы дополнены в бумагах Галиффа другим описанием, на этот раз жизни в Остафьеве, в письме родителям от 26 июля 1808 года:

«Хотя я должен был приехать сюда, и, конечно же, знал, что отменно проведу время, я с большим сожалением покинул семью кн. Вяземского. Общество не было блестящим, но надежным и всегда в равной степени приятным. Не было ни больших праздников, ни бурных развлечений, но зато равномерность, спокойствие, полная непринужденность. Мы завтракали все вместе. Я проводил остаток утра в большой библиотеке, полной хороших книг (чрезвычайная редкость в этой стране). Мы обедали в три часа, и после обеда я проводил еще два часа в библиотеке; после чего мы долго гуляли, по крайней мере два часа, все вместе; мы полдничили в девять; затем весело играли в Бостон, не на деньги, или музицировали; мы с княжной часто пели русские песни, которые я безумно люблю: вы знаете, как фальшиво я пою, но это было неважно; ей нравилась моя манера, и она пела не лучше. Мы ужинали в одиннадцать или в одиннадцать тридцать вечера и потом ложились спать, и все это повторялось снова на следующий день. Иногда прогулки на лошадях (к моей отраде) или партии в бильярд с княжной и г-жой Карамзиной заполняли час перед ужином и час после ужина»⁶⁶.

На фоне описания дружбы с Вяземскими Карамзин отодвигается в бумагах Галиффа на задний план. Его вообще мало видно, так как он редко участвует в развлечениях дам и молодого князя. Галифф неоднократно намекает на независимый образ жизни Карамзина, который очень непринужденно вписывается в рамки семейной жизни Вяземских:

«Пятница [21-ое февраля – Р.Б.] г-н Карамзин не сажился за стол: он всегда ест два печеных яблока на ужин».

«Среда, 4 марта [1808 – Р.Б.]

Г-н Карамзин ушел спать до ужина. Его жена была прелестна».

«Четверг, 23-е [марта 1808 – Р.Б.] обедал у г-жи Карамзиной [...] Мы сели за стол без г-на Карамзина, который часто отправляется на прогулку, когда подают на стол, и его никогда не ждут. После ужина он был с нами недолго».

«7-ое июня [1808 – Р.Б.]

Кроме как во время прогулки и за столом, мы мало видели г-на Карамзина».

Специфический образ жизни Карамзина во многом был мотивирован поведенческой моделью, которую он выбрал для построения собственного образа историка. Однако тот факт, что Карамзин не участвует во всех занятиях семьи, вовсе не означает, что он является бледной, второстепенной фигурой в глазах Галиффа. Во-первых, характерно, что женевец старается ознакомиться с трудами писателя:

«В воскресенье [1-ое марта 1808 – Р.Б.] утром, я отправил записку молодому князю Вяземскому (Петру Андреевичу) с просьбой отправить мне работы, которые он мне обещал, а именно труды г-на Карамзина, его собственные стихотворения и несколько вольных композиций г-на Нелединского и др.»

«Суббота, 7-ое Марта [1808 – Р.Б.], утром получил записку от князя Петра Вяземского вместе с томом трудов Карамзина и приглашение (на вечер, как обычно)».

Во-вторых, физическому отсутствию Карамзина противостоят его моральный вес и интеллектуальный авторитет. Об этом свидетельствуют те отрывки из дневника Галиффа, в которых описываются разговоры, в которых писатель принимает участие. Из описания Галиффа видно, что разговоры ведет именно Карамзин. К таким моментам относятся описания двух бесед.

В первой Карамзин спорит с гостем круга жены, капитаном Гамильтоном, о Наполеоне, деконструируя в духе Шатобриана и согласно критическим принципам, упомянутым выше в анализе его исторической концепции, попытки Наполеона основать свою власть на риторических моделях скорее, чем на фактах:

«[Вторник, 26-ое мая 1808 – Р.Б.] Я проводил княжну к столу, где к нам присоединился капитан Гамильтон. Он сказал, что, если бы имел удовольствие иметь Н. в качестве заключенного, он бы обращался с ним как с королем. С этого краткого вступления он начал пламенную речь, по поводу гениальности Н., которая была продемонстрирована наиболее ярко и отчетливо, по его мнению, в обращении к войску во

время битвы у пирамид: «представьте, что на вас смотрят тридцать веков». Г-н Карамзин решительно отрицал, что это событие было настолько значительно, как поведал Гамильтон, который настаивал, что эта была самая кровопролитная битва в истории человечества; г-н Карамзин же считал, что это событие с трудом можно было бы назвать большие, чем стычкой. Первый утверждал, что мамлюки превосходили французов по численности; второй настаивал, что по меньшей мере 30-ти т [тысячам – Р.Б.] французов противостояло всего несколько тысяч, может даже сотен, мамлюков – он проникательно и безоговорочно отрицал величие произнесенных слов, заявив, что, во-первых, это было ни что иное как старое высказывание, примененное к новому событию, а, во-вторых, что такая речь могла бы быть произнесена в любой точке земного шара и была бы настолько же уместна, к тому же можно было бы добавить еще 20 веков, поскольку земля возникла раньше пирамид, но Гамильтон был вне себя и настолько разгорячился, что заставил рассмеяться от души и меня, и дам. Как только он произнес эти слова, меня вдруг поразило, что слова Тацита об убийстве Гальбы: «*pec illos capitolii aspectus teruit*» были бесконечно более величественными, и возможно имели тот же смысл, но поскольку он не хотел очередного оппонента для спора, я предпочел оставить это наблюдение при себе. Г-н Карамзин процитировал другую речь Б. [Бонапарта – Р.Б.] с таким забавным видом, что это было чрезвычайно весело. Бургомистр одного маленького городка поднес ему ключ от города, а тот ему сказал: «Я не сомневаюсь, что будет лучше если эти ключи останутся у вас, что же касается ключа к сердцам, это другое дело, я заберу его» – и он шутиливо посоветовал Гамильтону запомнить эти слова вместе с ранее произнесенными. Спор продолжался до часа ночи, и поскольку положение становилось все более неудобным в свете того, что Гамильтон высказывался слишком горячо в пользу Англии, я начал опасаться, что все это плохо кончится, но г-н Карамзин пожал ему руку, и Гамильтон был в восторге от идеи, что он погорячил кровь хозяина дома, что, по его словам, было необходимо для человека, который так много пишет. Он принял свою собственную пылкость за пылкость г-на Карамзина, который сохранял совершенное спокойствие на протяжении почти всего разговора. Я отправился домой. Дамы пожелали мне спокойной ночи во второй раз с балкона.

Гамильтон также утверждал, ссылаясь на свидетельство генерала Савари, что многие из французских солдат были наравне с Цицероном!!!!!! Что касается знаменитой фразы о 30 веках, у него не было никаких сомнений, что, если бы Плутарх писал биографию Бонапарта, он бы преклонил колени в знак благодарности за такую фразу. Он был уверен, что сейчас наука больше поддерживается, чем когда-либо. Я сказал, что он смешивает разные вещи и принимает искусство за науку. Г-н К. считал, что никогда не существовало более ужасного врага для науки. Гамильтон одобрял большую часть грабежа ценных произведений искусства, и даже тех, которые не имели никакой ценности, в особенности если они связаны с некоторыми людьми, как, например, сапоги Фридриха II»⁶⁷.

Второй разговор, упомянутый Галиффом, тоже свидетельствует о скептицизме Карамзина по отношению к той части французской культуры, которую обвиняли тогда в том, что она породила революцию. Речь идет о чтении у Карамзина одного письма Дидро, адресованного княгине Дашковой:

«Воскресенье, 10-е [мая 1808 – Р.Б.] После 9 вечера ко мне приехал Михаил Петрович Гусядников, и мы вместе отправились к г-же Карамзиной, где мы встретили князя Александра Багратиона, Петра Ивановича Приклонского (очень умного человека) и [пробел, видимо «Александра» – Р.Б.] Петровича Валуева (камергера). В карты не играли, и весь вечер разговаривали. Г-н Карамзин рассказал много анекдотов, некоторые из которых были очень интересными, он также пригласил г-на Приклонского прочитать письмо Дидро к княгине Дашковой по поводу начала революции, в котором я заметил несколько очень ложных идей и ряд абсурдных противоречий, например, что гораздо проще отбросить нацию к стадии варварства, чем продвинуть ее на более высокую ступень развития цивилизации. Он прямо и недвусмысленно допускает, что невозможно разрушить религиозного мировоззрения без разрушения основ светского государства, и все же он был одним из самых ярких так называемых философов. На протяжении всего письма чувствуется непреодолимое желание сказать красивые вещи, а точнее прелестные вещи в красивом стиле, не говоря уже о неприкрытом тщеславии: он не только называет себя философом (что не является чем-то неестественным для человека из этой шайки),

но и принимает как само собой разумеющееся, что его считают одним из самых лучших людей Франции и что, если он допустит ошибку, у людей сложится плохое мнение о всей нации. В этом письме (есть четыре письма, но было прочтено только одно) господствует тот же стиль, которым написан Жак фаталист, и по крайней мере мне он кажется неприемлемым. И хотя в письме этот человек чрезмерно льстит княгине Дашковой, он непочтительно о ней отзывается в некоторых своих работах, которые были опубликованы посмертно»⁶⁸.

Судя по описанию Галиффа, содержание письма вызвало всеобщее осуждение, как со стороны чтеца, так и со стороны гостей Карамзиных. Характерным образом в критике Карамзина и Галиффа звучат два аргумента, привычных в осуждении французских философов после Революции: осуждение их тщеславия и осуждение их софизмов. Понятно, что Карамзин строил свой публичный образ как антитезис этих недостатков: образ историка-монаха, равнодушного к славе, прямо противопоставлялся тщеславию Дидро, а софизмы философа – вере Карамзина в факты и его вкусу к точности. В этом последнем аспекте опять выражался скептицизм Карамзина по отношению к риторике как инструменту построения легитимности или власти. Не удивительно, в таком контексте, что вслед за этим упоминаются два анекдота, рассказанных Карамзиным, в которых осуждается, в более легком тоне, претензия плохих авторов на славу, в том числе благодаря использованию языка, лишённого всякой референциальности:

«Один из анекдотов, рассказанных 2-ном Карамзиным, был о бедном Поэте из Нижнего Новгорода, который представил свой труд на бессмертный суд 2-ну Хераскову; другой – о другом поэте или писателе, который ликовал от радости, поскольку немецкий писатель упомянул его имя в книге или рецензии, и *nota bene* упоминание было следующего характера «Г-н Михаил ... один из самых жалких писцов», но это не умалило его радости: “знаю, батюшка, знаю”, – сказал он человеку, переведшему ему этот текст, после того как он из тщеславия настаивал, чтобы половина всех присутствующих прочитала эти строки, – “но все обо мне пишут; хоть дурно, но все честь делают”»⁶⁹.

Моральный авторитет Карамзина не мог не покорить молодого женева. Тем более, что он противостоял аморальности культуры той ре-

волюции, которая лишила его родительского состояния и заставила скитаться по Европе. В таком контексте, Карамзин стал для Галиффа важной и исключительно положительной фигурой, несмотря на непринужденность писателя, неоднократно отмеченную женецем⁷⁰, которая порою граничила с бестактностью, как в тот раз, когда Карамзин, делясь своими швейцарскими воспоминаниями с Галиффом, подчеркивал преимущество Цюриха над Женевой и оспаривал реальность женецкого республиканства⁷¹.

Нигде эта положительная оценка не выражена так ярко, как в дневнике женеца за март 1809 года. Подводя итоги своего 13-месячного пребывания в Москве, накануне отъезда обратно в Петербург, Галифф нарисовал галерею литературных портретов членов семьи Вяземских. Характерно, что один только портрет Карамзина является исключительно положительным:

«Г-н Карамзин очень умный человек, который, по-видимому, увлекся в юности Вольтером и следовал его плохому примеру, но почувствовал ограниченность его положений и стал придерживаться принципов чуть ли не диаметрально противоположных. Он не только не высмеивает религию, но, кажется, искренне желает, чтобы во благо счастья человечества она восторжествовала повсюду, и он вполне излечен от сентиментальности, которая портит его ранние работы. В целом он стал гораздо более основательным в своих положениях и больше не занимается пустяками, так что теперь его нельзя больше считать писателем красивых безделуц, он может утвердить за собой статус влиятельного человека, у него доброе сердце, его поведение безупречно, его речь поучительна и приятна. Я считаю его одним из самых ценных людей России, <...> 2-н Карамзин говорит по-французски так же хорошо и элегантно, как по-русски, но с меньшим желанием. Он по-настоящему привязан к своей стране, и глубоко чувствует абсурдность идеи рекомендовать народу перенимать чужие манеры, отказываясь от национального характера, и я люблю его за это»⁷².

Портрет Карамзина, нарисованный Галиффом, резюмирует интеллектуальную эволюцию русского писателя от вольтеровского скептицизма и увлечения сентиментализмом к культурному патриотизму и серьезному труду историка. Одобрять такой жизненный и интеллектуальный путь, Га-

лифф писал не только о русском писателе; он писал и о себе. Известно из его бумаг, что он в молодости увлекался чтением «Ночей» Юнга, и, как было уже сказано, пытался совершить самоубийство⁷³, о чем не без иронии вспоминал много лет спустя в письме родителям от 18 мая 1809 года:

«Ясно без слов, что эта любовь ни к чему не приведет, так как нет никакой возможности понравиться ее родителям. Впрочем, я уже не такой романтичный, как во времена неудержимой страсти к кухне Ж. Рилле, моему первому увлечению»⁷⁴.

Известно также, что он долго искал собственный путь: испытывая отвращение к работе в банке, он начал мечтать о месте гувернера, а потом разочаровался в этой работе и вернулся в банк. В этом контексте Карамзин, видимо, воплощал в глазах Галиффа фигуру счастливого, нашедшего свой путь и подчинившего своей цели все остальное, другими словами, фигуру взрослого человека, возможно, даже отца, которым писатель символически служил молодому князю Петру Андреевичу, с которым подружился Галифф, и которого так не хватало ему самому, лишившемуся отца в 1795 году, когда его отправили за границу.

Учитывая жажду молодого Галиффа к интеллектуальной самореализации, которую он ассоциировал с фигурами отца или дедушки, не удивительно, что Карамзин стал, видимо, для него образцом.

Эта ключевая роль Карамзина в эволюции самого Галиффа сказались в последующих годах. Начав свою литературную карьеру похвальным словом дедушке, то есть как историк собственной семьи, Галифф решил посвятить свои усилия истории в более широком смысле. Он сначала предложил Карамзину, еще в 1811 году, перевести на французский его «Историю государства Российского». Об этом известно по письму, написанному Карамзиным Галиффу 8 октября 1811 года, в котором автор, не отказываясь от предложения, отвечает женевицу, что его труд выйдет не раньше, чем через 3 или 4 года:

«Москва, 8 октября 1811

Я искренне благодарю вас за ваше любезное письмо, мой дорогой господин Галифф. Что касается моей истории, она сможет быть опубликована только через 3-4 года. Более 6 томов уже готово, но я еще не думаю о публикации. Я буду счастлив, если вы станете моим переводчиком; но у нас еще есть время.

Примите низжайший поклон от всей нашей семьи. Да, нам пришлось пережить немало печалей после вашего отъезда. Не всегда мы блаженствуем в этом мире. Это также отражается на моей работе. Нужно иметь мужество и, главное, смирение.

Пока мы не можем дать вам какого-либо поручения за границу; но я оставляю за собой право рассчитывать на вашу снисходительность и благодарю вас за это от всей души.

Примите уверения в моем самом искреннем почтении, милостивый государь. Ваш всегда преданный и покорный слуга Карамзин»⁷⁵.

Главное, однако, не в этом, а в том, что, вернувшись в Швейцарию после падения наполеоновской империи, Галифф решил написать генеалогию женевицких родов («Notices généalogiques sur les familles genevoises», 1829-1831), а также историю республики («Matériaux pour l'histoire de Genève»).

В этом решении, видимо, немаловажную роль сыграло влияние Карамзина, побудившее его стать историком своей малой родины, наподобие того, как Карамзин стал историком большой. Поразительно, насколько составленное его сыном описание пожилого Галиффа, ставшего историком своей родины, напоминает описание Карамзина молодым Галиффом:

«<...> нужны истинная страсть и глубокая самоотверженность, чтобы на протяжении двадцати лет и зимой, и летом перебирать тысячи листов бумаг, ставших неразборчивыми под воздействием времени, пыли и влаги вместе взятых, “разбросанные беспорядочно на полу этой конуры без окон и форточек, или же сваленные в темных и затхлых погребках городской ратуши”. Именно там работал он с утра до вечера не покладая рук, “несмотря на то, что, за неимением стола и стульев он долго был вынужден работать стоя в проеме слуховых окон”. Поглощенный усердием и боясь потерять нить своих изысканий, он не раз давал запереть себя там на всю ночь. Таким образом здоровье его неоднократно подвергалось опасности в результате подобных научных излишеств»⁷⁶.

«Нужно самому заняться подобного рода исследованиями, чтобы понять, сколько времени и усилий стоил автору этот представляющий национальную ценность труд, под таким скромным названием»⁷⁷.

«На этот раз необдуманной критики не последовало; репутация нашего соотечественника, как отечественного историка, плотно за ним закрепилась, а его патриотизм бывшего женеваца мог ставиться под сомнение только теми людьми, которые предпочитают сказки реальным фактам»⁷⁸.

Здесь и акцент на самоотверженности, которой требует исторический труд, и описание опасных последствий такого труда для жизни историка (в данном случае для его здоровья), и упоминание патриотического значения труда историка. К тому же, описание исторической концепции пожилого Галиффа под пером его сына показывает интеллектуальную эволюцию женеваца, который, видимо, под влиянием Карамзина, отказался от свойственного его молодости увлечения поучительной историей и отвлеченной систематизацией в пользу строгого анализа фактов:

«Он не очень одобрял, особенно для истории Женевы, этот современный и довольно удобный метод рассматривать историю с высоты птичьего полета, под предлогом того, что нужно смотреть на события свысока и издалека, чтобы дать им оценку в целом. Он точно также осуждал систематическую тенденцию “извлечь как следует из истории урок, выискивая повсюду примеры для подражания. Из этого безусловно выходили поэтические картины, оригинальные сравнения, блестящие доводы в защиту той или иной точки зрения”. Но, по его мнению, все это могло получиться только за счет искажения исторической правды, которая единственная просвещает и осведомляет народы об их истинных интересах»⁷⁹.

Как показывает конец последней фразы («все это могло получиться только за счет искажения исторической правды, которая единственная просвещает и осведомляет народы об их истинных интересах»), Галифф смотрел на исторический труд как на политический акт, так как он считал, что история должна «просветить народы, показывая им их настоящие интересы». И этот элемент был не чужд Карамзину, о котором известно, что он писал «Историю государства Российского» с надеждой, что она послужит ориентиром для царей и народа⁸⁰.

Правда, Карамзина и Галиффа, на первый взгляд, разделяет то, что Галифф решил подойти к ремеслу историка через генеалогический

труд. Однако и эта специфика, по-моему, не чужда влиянию Карамзина и Вяземских. Рассказать историю женевацкой республики через историю ее знатных родов было символическим актом восстановления этих родов. Это было важно для Галиффа, члена знатной женевацкой семьи, разоренной Революцией. В этой попытке реставрации социального господства патрициата и значения семейной традиции ощутили две вещи: консерватизм Карамзина, противостоящий брутальным переменам истории, и эмоциональный след, оставленный моментами, проведенными Галиффом в семейном кругу Карамзина, в той семье, о которой он писал в своем дневнике:

«[Июль 1808 – Р.Б.] Время, проведенное мной в этой семье, было одним из самых спокойных, и поэтому счастливых в моей жизни; я был полностью свободен, без каких-либо светских ограничений, в окружении очень приятных людей, с хорошей библиотекой, в замечательном доме и в прекрасном для здоровья месте»⁸¹.

1. Нечаева В. С. Отец и сын. Юношеские годы князя П. А. Вяземского (По неизданным материалам Остафьевского архива) // Остафьевский сборник. Вып. 11-12. - Остафьево, 2009. С. 441-443.
2. James Galiffe, а не Games Galiffe, как ошибочно указано у Нечаевой. Там же. С. 441.
3. Там же.
4. Galiffe J.-B.-G. [Jean-Barthélémy-Gaïfre]. Notice sur la vie et les travaux de J. A. Galiffe, C. G., avec quelques extraits de ses correspondances et autres pièces justificatives. Genève, 1856. P. 5.
5. Walker C. Histoire de Genève. Tome 2 De la cite de Calvin à la ville française (1530-1813). Neuchâtel, 2002. P. 116.
6. Ibid. P. 138.
7. Galiffe J.-B.-G. [Jean-Barthélémy-Gaïfre]. Notice sur la vie et les travaux de J. A. Galiffe. Op. cit. P. 8.
8. Walker C. Histoire de Genève. Op. cit. P. 138.
9. BGE [Bibliothèque de Genève]. Archives Galiffe, Ms. fr. 2753/B, pl. 2-3-4.
10. Galiffe J.-B.-G. [Jean-Barthélémy-Gaïfre]. Notice sur la vie et les travaux de J. A. Galiffe. Op. cit. P. 8.
11. Galiffe J.-B.-G. [Jean-Barthélémy-Gaïfre]. D'un siècle à l'autre. Correspondances inédites entre gens connus et inconnus du XVIIIe et du XIXe siècle. Genève, 1877. P. 283.

12. Duterreaux C.-R. *Moi, Charles Rodolphe Duterreaux, enfant vaudois de la Révolution française*. Lausanne, 2001. P. 26.
13. Idem. На эту тему, см. еще: Galiffé J.-B.-G. [Jean-Barthélémy-Gaiffre]. *D'un siècle à l'autre*. Op. cit. P. 283.
14. Galiffé J.-B.-G. [Jean-Barthélémy-Gaiffre]. Notice sur la vie et les travaux de J. A. Galiffé. Op. cit. P. 8.
15. Galiffé J.-B.-G. [Jean-Barthélémy-Gaiffre]. *D'un siècle à l'autre*. Op. cit. P. 403.
16. Ibid. P. 283.
17. Ibid. P. 284. О Буэ де Шапо руж, см. Galiffé J. A. [Jacques Augustin]. *Notices généalogiques sur les familles genevoises, depuis les premiers temps jusqu'à nous*. Genève, 1829.
18. Galiffé J.-B.-G. [Jean-Barthélémy-Gaiffre]. Notice sur la vie et les travaux de J. A. Galiffé. Op. cit. P. 10.
19. Galiffé J.-B.-G. [Jean-Barthélémy-Gaiffre]. *D'un siècle à l'autre*. Op. cit. P. 285. О лондонском банке Казеновов, см. Bouchary J. *Les manieurs d'argent à Paris à la fin du XVIIIe siècle*. Paris, 1939 ; Bruguière M. *Gestionnaires et profiteurs de la Révolution*. Paris, 1986 ; Cazenove A. de. *Quatre siècles*. Nîmes, 1908 ; Lüthy H. *La Banque protestante en France de la Révocation de l'Edit de Nantes à la Révolution*. Paris, 1959-1961.
20. Galiffé J.-B.-G. [Jean-Barthélémy-Gaiffre]. Notice sur la vie et les travaux de J. A. Galiffé. Op. cit. P. 10-13.
21. Walker C. *Histoire de Genève*. Op. cit. P. 91.
22. О Рале, см. Козырева Г. Придворный банкир А. Раль // *Немцы в России*. Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 205-211.
23. Письмо Дж. Галиффа отцу, Кенигсберг, 2 декабря 1805 г. [Lettre de J. Galiffé à son père, Königsberg, 2 décembre 1805]. BGE. Archives Galiffé, Ms. fr. 2753/C, pl. 28, f. 13r. О вспыльчивости и брутальности Раля, см.: Козырева, 209. Письма Галифф писал по-французски. Здесь и далее цитаты из писем Галиффа с французского языка перевела Татьяна Костенко.
24. Письмо Дж. Галиффа барону Клейну, без даты [Lettre de J. Galiffé au baron Klein, sans date]. BGE. Archives Galiffé, Ms. fr. 2753/C, pl. 28, f. 1r, 1v.
25. Walker C. *Histoire de Genève*. Op. cit. P. 116.
26. Mézin A., Rjéoutski V. *Les Français en Russie au siècle des Lumières*. Tome 2. Ferney-Voltaire, 2011. P. 296-298 : « Duval, Jacob-David », « Duval, Jean-François-André ».
27. BGE. Archives Galiffé. Ms. fr. 2753/C, pl. 29.
28. Mézin A., Rjéoutski V. *Les Français en Russie au siècle des Lumières*. Op. cit. P. 781.
29. Ibid. P. 297.
30. BGE. Archives Galiffé. Ms. fr. 2753/C, pl. 30, f. 21-22.

31. О социальных характеристиках франкоязычных гувернеров в России XVIII - начала XIX вв., от исповедования до холостого статуса, см. Rjéoutski V. *Les précepteurs francophones en Russie au XVIIIe siècle* // Rjéoutski V., Tchoudinov A. *Le précepteur francophone en Europe XVIIe-XIXe siècles*. Paris, 2013. P. 120-127. О причинах популярности гувернеров из Швейцарии в России, см.: Bandelier A., Rjéoutski V., Fornerod « le Républicain » ; un précepteur hostile à la propagande tsariste // Ibid. P. 339, 347 ; Maeder A. *Gouvernantes et précepteurs neuchâtelois dans l'Empire russe (1800-1890)*. Neuchâtel, 1993.
32. BGE. Archives Galiffé. Ms. fr. 2753/C, pl. 30, f. 23.
33. BGE. Archives Galiffé. Ms. fr. 2753/D, pl. 31, f. 6-7.
34. BGE. Archives Galiffé. Ms. fr. 2753/D, pl. 31, f. 21.
35. BGE. Archives Galiffé. Ms. fr. 2753/D, pl. 31, f. 17-18. Путешествие княжны планировалось в рамках моды на путешествия по Швейцарии, развившейся в России под влиянием чтения Карамзина. Об этом, см.: Смекалина В.В. *Русские путешественники в Швейцарии во второй половине XVIII-первой половине XIX века*. М. 2015. С. 115-150, 211. Об обязанности гувернеров путешествовать с учениками, в том числе за границу, см.: Rjéoutski V. *Les précepteurs francophones en Russie au XVIIIe siècle*. P. 131.
36. BGE. Archives Galiffé. Ms. fr. 2761, f. 70-71. На обратной стороне письма написано «Милостивому государю моему Якову Варфоломеевичу Галифу. В доме Г. Майора Василия Ивановича Синельникова в Любимовке. В Екатеринославе».
37. Galiffé J.-B.-G. [Jean-Barthélémy-Gaiffre]. Notice sur la vie et les travaux de J. A. Galiffé. Op. cit. P. 9. Note 1.
38. BGE. Archives Galiffé. Ms. fr. 2753/D, pl. 31, f. 18r. : «В Москве я познакомлюсь с первым из русских писателей-прозаиков, г-ном Карамзиным, историографом Е.И.В.».
39. BGE. Archives Galiffé. Ms. fr. 2761, f. 73r. На записку Галифф приписал «От Николая Михайловича Карамзина» и «Tuesday, febr 12th 1808».
40. BGE. Archives Galiffé. Ms. fr. 2753/D, pl. 34, f. 1-2. Как указано в тексте статьи, Галифф вел свой дневник по-английски. Здесь и далее цитаты из дневника Галиффа с английского языка перевел Александр Кириянов.
41. BGE. Archives Galiffé. Ms. fr. 2761, f. 72r. На записку Галифф приписал «15 février 1808».
42. Письмо Дж. Галиффа матери, у водопада Днепра, 5/17 сентября 1807 г. [Lettre à sa mère, Aux cataractes du Dnièpre, le 5/17 septembre 1807]. BGE. Archives Galiffé. Ms. fr. 2753/D, pl. 31, f. 15v-16r.
43. На эту тему, см.: Droixhe D. *La linguistique et l'appel de l'histoire (1600-1800)*. Genève, 1978.
44. Levesque. *Histoire de Russie ; tirée des chroniques originales, de pièces authentiques, & des meilleurs Historiens de la nation*. Paris, 1782, t. 1. P. 9.

45. Ibid. P. 42-43.
46. Карамзин Н. М. История государства российского. СПб., 1830. Примечание 243. С. 75.
47. В своем рассказе о первой встрече с Карамзиным, Галифф пишет: «Он считает, что греческий, латинский, старославянский и немецкий языки произошли из одного источника, но в отличие от меня он выражает менее уверенности в том, что славянский язык более древний, чем остальные». См.: BGE. Archives Galiffe. Ms. fr. 2753/D, pl. 34, f. 1-2.
48. Mazon A. Pierre-Charles Levesque, humaniste, historien et moraliste // *Revue des études slaves*. 42/1-4. 1963. P. 56.
49. BGE. Archives Galiffe. Ms. fr. 2753/D, pl. 34, f. 14.
50. BGE. Archives Galiffe. Ms. fr. 2753/D, pl. 34, f. 22r.
51. BGE. Archives Galiffe. Ms. fr. 2753/D, pl. 36, f. 10v.
52. Карамзин Н. М. История государства российского. Указ. соч. Предисловие. С. 17-18.
53. Там же. С. 19-20.
54. Там же. С. 19.
55. Там же. С. 15, 18.
56. Hume D. *The History of England from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688*. Indianapolis, 1983. P. 154.
57. Цит. по Hill B. *The Republican Virago. The Life and Times of Catharine Macaulay, Historian*. Oxford, 1992. P. 27.
58. Письмо Дж. Галиффа родителям, Очереватое, 13/25 июня 1807. [“Alexeyeva, ou Otcherevatoye, près de Novomoscosfsk, 13 juin 1807 – 25 juin N.S. »]. BGE. Archives Galiffe. Ms. fr. 2753/D, pl. 31, f. 7r.
59. Разумеется, такая теория прекрасно вписывалась в концепцию «Москва - третий Рим», не потерявшую свою актуальность в XVIII веке. О концепции, см.: Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва - третий Рим» в идеологии Петра Первого // *Художественный язык Средневековья*. М., 1982. С. 236-249. Исторические трактовки происхождения России часто преследовали политические цели и часто опирались на этимологические исследования. О первом вопросе, см.: Liechtenhan F.D. *De l'abus de l'historiographie. Approches de l'histoire russe de Herberstein à Custine* // *Cahiers du monde russe*. 41/1. Janvier-mars 2000. P. 135-149; о втором, в том числе о теории Третьяковского о первенстве русского языка над немецким, см.: Breuillard J. *La mémoire linguistique et littéraire du XVIIIe siècle russe : ruptures et héritage* // Proyart J. de, Zavaloff N. *Mémoire de la Russie. Identité nationale et mémoire collective*. Paris, 1996. P. 203-213.
60. О литературных опытах гувернеров и их социальном использовании, см. пример гувернера Дезесарта [Desessart]. См.: Bandelier A., Rjéoutski V. *Fournerod « le Républicain »* :

- un précepteur hostile à la propagande tsariste // *Le précepteur francophone en Europe XVIIe-XIXe siècles*. Paris, 2013. P. 368-369. О роли авантюристов-утопистов в России с 18 века, см. Строев А. *Авантюристы просвещения*. М., 1998. С. 215-235.
61. Все эти практики вписывались в образ жизни дворянства начала XIX века. Об этих и других практиках в городском пространстве, см.: Шокарева А. *Дворянская семья: культура общения. Русское столичное дворянство первой половины XIX века*. М., 2017. С. 83-91. О домашнем досуге в деревне, см.: Pickering Antonova K. *An Ordinary Marriage. The World of a Gentry Family in Provincial Russia*. Oxford, 2013. P. 95-118.
62. BGE. Archives Galiffe. Ms. fr. 2753/D, pl. 37, f. 7v-8r.
63. BGE. Archives Galiffe. Ms. fr. 2753/D, pl. 34, f. 8r.
64. BGE. Archives Galiffe. Ms. fr. 2753/D, pl. 34, f. 27v.
65. BGE. Archives Galiffe. Ms. fr. 2753/D, pl. 34, f. 28r-28v.
66. BGE. Archives Galiffe. Ms. fr. 2753/D, pl. 33, f. 8-9. Письмо родителям. « Gorbovo, près de Rouza, le 26 juillet 1808 ».
67. BGE. Archives Galiffe. Ms. fr. 2753/D, pl. 34, f. 22v-23r.
68. BGE. Archives Galiffe. Ms. fr. 2753/D, pl. 34, f. 17r-17v.
69. Ibid. Слова, отмеченные жирным шрифтом, написаны на русском языке в оригинале.
70. BGE. Archives Galiffe. Ms. fr. 2753/D, pl. 33, f. 6-7, письмо родителям, «Астафьево, 4 июля 1808. [...] Ее муж – российский историограф, и очень занят. Его видят только во время ужина и в конце вечера; он очень любезен и такой же непринужденный, как и его жена».
71. BGE. Archives Galiffe. Ms. fr. 2753 D/pl. 34, f. 22v: [Saturday, 14th of March – P.B.] «Г-н Карамзин, плохо себя чувствуя, не играл: он много говорил со мной о Женеве и Швейцарии. Он был в нашем старом поместье Шатлем неподалеку от Женевы; но во время синдика Саула. Он читал Похвальное слово моему деду. Он предпочитает Цюрих всем другим местам, поскольку очень хорошо провел там время, благодаря знакомству с Лафатером, бывшему очень добрым к нему. Он, казалось, не восхищался ни умом, ни пониманием женецев в целом, но я считаю, что он ошибается, думая, что они не были настоящими республиканцами». О скептицизме русских путешественников XVIII века к «республиканизму» женецев, см. статью Андреаса Шенле об очерке Ивана Ивановича Барятинского, посвященном Женеве: Schoenle A. *Aristocratic Subjectivity in Revolutionary Turmoil*. I.I. Bariatinskii's "Coup d'oeil sur Genève" (1791) // *Cahiers du monde russe*. 57/4. 2016. P. 711-742.
72. BGE. Archives Galiffe. Ms. fr. 2753/D, pl. 36, f. 10v. Wednesday, March 24th, 1809.
73. BGE. Archives Galiffe. Ms. fr. 2753/B, pl. 2, 3, 4 : « Brèves notes autobiographiques ».
74. BGE. Archives Galiffe. Ms. fr. 2753/D, pl. 37, f. 8r.

75. BGE. Archives Galiffe. Ms. fr. 2761, f. 74.
 76. Galiffe J.-B.-G. [Jean-Barthélémy-Gaifre]. Notice sur la vie et les travaux de J. A. Galiffe. Op. cit. P. 30.
 77. Ibid. P. 33.
 78. Ibid. P. 35.
 79. Ibid. P. 37.
 80. Black J. L. Nicholas Karamzin and Russian society in the nineteenth century. A study in Russian political and historical thought. Toronto and Buffalo, 1975. P. 4.
 81. BGE. Archives Galiffe. Ms. fr. 2753/D, pl. 35, f. 37r.

Н.К. Иванова, Н.Е. Меркулова

РОДНОЙ ЯЗЫК В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЛИЛИНГВА Н.М. КАРАМЗИНА

Анализ произведений Н.М. Карамзина и тексты его писем к друзьям и родным позволяют однозначно определить их автора как элитарную языковую личность, обладающую развитым языковым сознанием. Его сложно-структурированная языковая личность (ЯЛ) на всех уровнях (вербально-семантическом, когнитивном и прагматическом) характеризуется большим запасом лексических единиц из разных языков, принадлежащих к различным регистрам устной и письменной речи, богатством синтаксических моделей и стилистических приемов.

Тексты художественных и публицистических произведений Н.М. Карамзина насыщены пресуппозициями, аллюзиями, прецедентными именами собственными из мировой культуры, что характеризует их автора как образованного представителя лингвокультурного сообщества, который обладает обширным культурным пространством. Своеобразие ЯЛ Карамзина не может рассматриваться в отрыве от социально-исторических условий её формирования – вторая половина XVIII века – первая четверть XIX века.

По биографическим материалам, публицистическим и критическим статьям Н.М. Карамзина можно реконструировать хронологию, место и способ изучения им иностранных и древних языков (латинского, древнегреческого, немецкого, французского, английского, итальянского, греческого), однако, лишь имплицитно в них присутствует информация об овладении родным языком – русским.

В отличие от многих дворянских детей того времени, воспитывавшихся с немецкими и французскими гувернерами (см., например,